

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ Д. ТРАМПОМ ДЕЙКТИЧЕСКОГО МЕСТОИМЕНИЯ ПЕРВОГО ЛИЦА «Я» КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ США 2016 Г.)

В. Ю. Самарцев

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Основной целью данной статьи является рассмотрение эффективности дейктического местоимения первого лица «я» в качестве средства саморепрезентации, конструирования политической идентичности и риторического взаимодействия с электоратом. Так, данное средство не признается абсолютно конвенциональным в рамках дебатов, но намеренно и, как показывает результат, успешно использовалось для явного обозначения присутствия кандидата в президенты США Д. Трампа в построении его дискурса во время дебатов 2016 г.

Ключевые слова: личное местоимение «я», политический дискурс, коммуникативные стратегии, саморепрезентация.

Введение

В основу политической деятельности часто входит целенаправленное и преднамеренное использование языка в целях убеждения. Язык рассматривается как центральный элемент политиков в вербальном обмене информацией с потенциальными избирателями для достижения своих политических целей. Особенно заметной важность речевых тактик и стратегий становится в предвыборных кампаниях, в которых от участников «ожидают вербализации своих идеологических позиций» [14] и проявления своих риторических способностей. Очевидно, что диалогические процессы и риторические способности являются важными метадискурсивными компонентами, диктующими выбор тех или иных средств или структур в дискурсе политика [12].

Концепты «власть» и «политик» считаются основными терминами политического дискурса, четкое истолкование которого до сих пор остается дискуссионным. В русле лингвистической теории А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич определяют политический дискурс как совокупность речевых актов в политических дискуссиях [1]. О. С. Иссерс отмечает, что власть в политике держится на власти воздействия, а само управление реализуется через слово [3]. По ее мнению, настоящие политики выделяются использованием особых языковых элементов, среди которых находится интересующая нас определенная семантическая категория языка — персональный дейксис — и его компоненты в рамках политической речи. Следуя определению Е. В. Падучевой, дейктическими элементами мы

считаем такие единицы, которые характеризуют идентичность объекта через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту [5]. О. Есперсен обозначает местоимения как дейктические элементы, являющиеся наиболее яркими примерами языковых единиц, использование и понимание которых детерминируются коммуникативными элементами и координатами говорящего [15]. Р. О. Якобсон указывает, что таким характерным примером является дейктическое местоимение первого лица «я», которое, во-первых, обозначает говорящего и соотносится с ним, во-вторых, указывает на говорящего и связывается с его высказыванием [8].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что она является частью относительно новой области исследований, которая изучает «интерактивное создание самости» [17] и на актуальных примерах показывает, как современные политики используют гибкость местоимений для конструирования у аудитории взглядов, благоприятствующих их имиджу. Целью данной статьи является исследование использования местоимения первого лица «я» (англ. I) в политическом дискурсе как средства речевого вовлечения и его влияния на коммуникативные действия в дискурсе Дональда Трампа во время трех раундов президентских дебатов 2016 г. с Хиллари Клинтон как одного из самых ярких и актуальных политических событий последнего десятилетия, выделившегося своей неконвенциональностью. Здесь были рассмотрены некоторые релевантные примеры, которые отмечают намерение кандидата

в президенты оценить дискурсивную обстановку и метадискурсивно взаимодействовать с аудиторией. Подобный анализ остается актуальным в политическом дискурсе, так как в нем отражаются вопросы лингвистической позиции, авторитетного тона, а также политической личности.

Основным мотивом для проведения таких исследований было изучение того, как Д. Трамп использует местоимение «я» в своем дискурсе, и определить вид вербальных процессов, в которые оно вовлечено, проанализировать, какая между ними существует связь. Полученная информация также может оказаться полезной в дальнейших исследованиях относительно местоимения «я», обозначающего присутствие говорящего в тексте, проводимых в сопоставительном ключе.

Методология и методы исследования

В теоретическую основу данной статьи положена метадискурсивная модель К. Хайланда, приобретшая широкое распространение в последнее десятилетие. Он отмечает, что метадискурс часто определяется как «дискурс о дискурсе» или «разговор о разговоре», ссылаясь на аспекты самого текста и его внутренней организации [12]. Однако его более перспективная и всеобъемлющая модель рассматривает метадискурс как процесс взаимодействия «между производителями текста и их текстами, а также между производителями текста и пользователями» [13]. Такое взаимодействие является чрезвычайно важным компонентом, поскольку оно предполагает коммуникацию между говорящим — слушателем, писателем — читающим и влияет на использование языковых средств. Важным пунктом взаимодействия автора и текста является необходимость в знании автором интересов, ожиданий и представлений аудитории для создания такого текста, который будет отвечать ее запросам. В русле взаимодействия автора и читателя происходит комментирование, пояснение собственного текста, иногда навязывание точки зрения для беспрепятственной трансляции своих взглядов и становления основным «голосом текста» в совместном диалоге.

Такая коммуникация включает в себя не только риторическое взаимодействие и интерпретацию, но и конструирование политической идентичности, а также использование конкретных средств для эффекта вовлеченности, таких как интересующая нас конструкция «я + глагол» (I + V).

Кроме того, метадискурсивная модель К. Хайланда в полной мере учитывает «прямое взаимодействие

между кандидатом (кандидатами) в президенты и электоратом в непрерывном и вовлекающем диалогическом процессе» [12], учитывая контроль и влияние, которые использование языковых средств оказывает на политическое поведение.

Соответственно, были проанализированы конкретные примеры употребления Д. Трампом дейктического местоимения *I* в сочетании с часто встречающимися глаголами в различных контекстах во время президентских дебатов и обсуждения вопросов, связанных с процессом построения политической идентичности Д. Трампа. Релевантные примеры подбирались в соответствии с тематическими особенностями, которые они представляют, как можно более краткие, но в то же время с включением в них достаточного количества контекстов, чтобы передаваемые сообщения были насыщенными, лаконичными, легко и ясно доходящими до адресатов.

Обсуждение результатов исследования

Hedging, или хеджирование, в лингвистике — это построение высказывания с помощью «смягчающих» слов и конструкций таким образом, который позволяет автору текста сигнализировать об осторожности или вероятности какой-либо вещи, а не о полной уверенности в чем-то. Сочетание местоимения первого лица *I* с глаголом *think*, как хеджирование, или уклонение от прямого ответа, ожидаемо, оказалось самой частой конструкцией *I + V* в отобранных текстах. Как отмечает Б. Фрейзер, процесс хеджирования является одной из наиболее эффективных риторических стратегий в дискурсе [11], с помощью которой актанты «распознают альтернативные мнения и точки зрения и, таким образом, воздерживаются от полной приверженности той или иной пропозиции» [12]. Пример 1 иллюстрирует этот момент. Интенция Д. Трампа состоит в том, чтобы обозначить отсутствие полной приверженности тому факту, что он и его оппонент имеют идентичную точку зрения по вопросам ухода за детьми:

1) *I think Hillary and I agree on that.*

Учитывая относительно высокую частоту употребления этой конструкции в политическом дискурсе и в американском политическом дискурсе в частности [16], неудивительно, что она используется в предложениях или очень коротких текстах одна за другой, последовательно. Конструкция *I think* в следующем примере выдвигает на первый план «правдоподобные рассуждения» Д. Трампа, реализующие субъективно-модальное значение

предложения в рамках категории уверенности [7], которую он приписывает этому сообщению:

2) ***I think what the FBI did and what the Department of Justice did... it's disgraceful.***

Конструкция *I believe* также часто встречается в выборке. Она используется в конкретных контекстах с аналогичными функциями и метафункциями, как и конструкция *I think*, но она также передает создание этоса как авторитета оратора, основанного на убеждениях Д. Трампа и, в частности, на восприятии им мира. В примере 3 Д. Трамп явно проецирует свою позицию и авторитетный тон:

3) ***I believe in building safe zone, I believe in having other people pay for them, as an example the [Arabian] Gulf.***

В дискурсе Д. Трампа во время трех раундов президентских дебатов присутствует значительное количество использований фразы *I mean*. В качестве уточняющей конструкции она используется для включения дополнительных пропозициональных значений или дальнейшего объяснения содержания. Такие функции приводятся в трех следующих отрывках:

4) ***Jobs are essentially nonexistent. I mean, I've been saying in big speeches where I have 20 and 30,000 people.***

5) ***The companies are leaving. I could name, I mean, there are thousands of them.***

6) ***In the audience we have four mothers of — I mean, these are unbelievable people...***

Кроме того, умышленное использование *I mean* направлено на то, чтобы отметить собственное присутствие Д. Трампа в дискурсе и на обеспечение дальнейшего извлечения аудиторией предполагаемых и передаваемых смыслов. Общий контекст может быть различным, как, например, в пункте 4, где *I mean* «поддерживает» предыдущее утверждение, в пункте 5, где оно используется совместно с *I could name*, подчеркивая возможность предоставления более подробной информации, или в пункте 6, где оно подробно описывает отношение кандидата в президенты к конкретным вопросам.

Интересен также факт, что Д. Трамп широко использует *will* в конструкциях I + V. Во всех трех раундах президентских дебатов конструкция сбалансированно распределена. Кроме того, в ходе анализа отмечается, что эта структура в основном состоит из динамических глаголов, как показано в примере 7 с *bring back*:

7) ***I will bring — excuse me. I will bring back jobs.***

Тщательный анализ также показывает, что иногда эти конструкции используются очень близко

к функции бустеров, основная функция которых в дискурсе состоит в том, чтобы придать оттенок модальности и «приписать большую авторитетность высказываниям» [14]. Следующие два отрывка демонстрируют это утверждение.

8) ***I will knock the hell out of ISIS. And I will tell you, I will take care of ISIS.***

9) ***I will do more for African-Americans and Latinos that she can do for ten lifetimes.***

Таким образом, мы видим, что Д. Трамп использует эти структуры не только для трансляции обещаний (я выбью дурь, я позабочусь, я сделаю), но и для того, чтобы обозначить ту или иную степень гарантированности выполнения рассматриваемых действий.

В таких случаях подобное его присутствие в дискурсе выдвигает Д. Трампа на первый план, проецируя его как авторитетного спикера для аудитории.

Точно так же в его дискурсе значимо употребление местоимения «я» в сочетании с длительным/продолженным временем. Все подобные использования, как в примерах 10 и 11, связаны с будущими действиями, передающими твердое планирование или преднамеренность, тем самым обеспечивая более легкий приход к согласию аудитории с позициями Д. Трампа.

10) ***I'll be reducing taxes tremendously.***

11) ***I'm going to cut regulations. I'm going to cut taxes big league.***

Кроме того, обозначение длительного времени с глаголом «наблюдать» (12) обозначает его авторитет и компетентность в обращении с ситуациями, которые предполагают особое внимание и преданность делу. Фраза «я собираюсь назначить» (13) обозначает совокупность будущих намерений и устремлений, через которые он представляет себя как будущую зрелую и эффективную политическую личность, которой электорат может доверять и которую можно поддерживать. Обращение к этосу находится на переднем плане, несмотря на возможные расхождения мнений, которые могут быть у аудитории.

12) ***I'm watching Hillary go over facts and she is going after fact after fact and she's lying again...***

13) ***The justices that I am going to appoint will be pro-life.***

Социальная индикация речи прослеживается на лексическом уровне. Использование участниками общения специальной лексики, как, например, профессионализмов в речи свидетельствует о равном социальном статусе коммуникантов, как минимум ставит их «на одну ступень» [2]. Бизнес

и связанные с ним темы — один из наиболее частых топосов, аргументов, которые Д. Трамп затрагивает в своей речи. В этом контексте есть ряд очень интересных применений *I* в сочетании с динамическими «бизнес»-глаголами, такими как *build*, *pay*, *start* или *run*, как показано в отрывках 14, 15 и 16:

14) *I built it into a company that's worth many, many billions of dollars...*

15) *I pay tremendous numbers of taxes.*

16) *I built a massive company, a great company, I started with a \$1 million loan. And if we could run our country the way I've run my company, we would have a country that would you would be so proud of.*

Если мы обратим внимание на общую логическую структуру этих примеров, то увидим, что деловые топосы используются как сильный аргумент, в котором образ Д. Трампа намеренно выдвигается на первый план, чтобы предложить электорату сближение с его деловой и политической персоной, а также с ним, как будущим президентом. Присутствие местоимения «я» также отражает прошлые успехи Д. Трампа как бизнесмена, способного действовать умело в деловой сфере.

Стоит отметить, что «политическое поведение и лингвистическое поведение находятся в постоянном взаимодействии, в результате чего дискурс политика раскрывает то, кем он является, чего он хочет, чего хочет достичь, или раскрывает другие металингвистические аспекты» [14]. Как отмечено выше, процесс бустинга (форсирования) оказывается релевантной к дискурсу противоположной стороной хеджирования, поскольку он создает устойчивый и эффективный этос с помощью самоупоминания.

В следующих трех примерах использования конструкции *I know* можно отметить преуменьшение присутствия аудитории [12], благодаря чему ограничивается возможность несогласия [4].

17) *I know a lot of wealthy people that have never been audited.*

18) *I know nothing about Russia — I know about Russia, but I know nothing about the inner workings of Russia.*

19) *I know Buffett took hundreds of millions of dollars.*

Таким образом, Д. Трамп самостоятельно продвигает свой позитивный и компетентный образ, усиливая свою политическую идентичность перед политическим оппонентом и аудиторией в целом. Такие метадискурсивные стратегии придают больше убедительности качеству его речи и лингвистическому поведению в целом.

Другая важная конструкции «я + глагол» обозначает явную попытку сгладить коммуникацию, как можно наблюдать в примерах 20 и 21. Анализ подобных примеров показывает попытки Д. Трампа мягче донести до аудитории свою позицию по неудобным вопросам:

20) *...and I agree she wasn't there, but possibly she's consulted.*

21) *Now John Podesta said you have terrible instincts. Bernie Sanders said you have bad judgment. I agree with both.*

Точно так же широко используются противопоставления с помощью конструкции *I disagree*. Аналогично, эта структура указывает на отношение Трампа к рассматриваемым вопросам и выдвигает на первый план его авторитетный голос в противовес альтернативным позициям, которые могут быть у его оппонента или аудитории (22 и 23):

22) *I disagree. Right now, Syria is fighting ISIS.*

23) *Because I disagreed with Ronald Reagan very strongly on trade. I disagreed with him.*

Примеры обозначения «желания» или «стремления» как психологического состояния способствуют правильному построению идентичности Трампа и его саморепрезентации в попытке раскрыть эффективный способ диалога с электоратом.

24) *I want you to be very happy.*

25) *And by the way, my tax cut is the biggest since Ronald Reagan. I'm very proud of it.*

26) *And they endorsed me because I understand the border.*

27) *The other things are false, but honestly I'd love to talk about getting rid of ISIS and I'd love to talk about other things.*

Выводы и заключение

В этом описательном исследовании была предпринята попытка осветить ряд аспектов, связанных с использованием самоупоминания с помощью местоимения первого лица «я» (в совокупности с распространенными глаголами), указывающих и передающих конкретные топосы в рамках метадискурса во время трех раундов президентских дебатов между Д. Трампом и Х. Клинтон.

Политическая личность Дональда Трампа оказалась достаточно привлекательной как для исследований лингвистов, так и для избирателей на выборах 2016 г., поскольку его лингвистическая стратегия наряду со многими другими, нелингвистическими факторами помогла ему сформировать убедительный образ для значительной части нации. Необычный лингвистический стиль Д. Трампа

характеризуется особой прямоотой, упрощенными предложениями и прямолинейностью. Учитывая, что в современных условиях политический дискурс становится все более некооперативным, во многих случаях полным намеренных нарушений принципов коммуникации, меняется и цель политической дискуссии: современные дебаты используются не как средство для обсуждения и получения обратной связи от электората, а способ односторонней трансляции ради убеждения [6] и создания нужного образа. Переход к неконвенциональной саморепрезентации в политике подтверждают и статистические исследования, которые указывают на увеличение количества используемых в дискурсе личных местоимений первого лица в сравнении с прошлым десятилетием [19]. Очевидно, что дейктические функции личных местоимений (прежде всего местоимения первого лица единственного числа, как исполнителя роли речевого действия) в некотором представлении просты, но весьма многогранны и чрезвычайно эффективны в рамках имеющейся тенденции, так как «я» — очевидное и естественное местоимение, используемое для обозначения себя в дискурсе. С помощью этого местоимения, обозначение политика в дискурсе как авторитетной личности соотносится с одной из центральных задач —

отвечать на вопросы аудитории с собственной, индивидуальной точки зрения [10]. Использование местоимения «я» наряду с обычными глаголами в совокупности с характерным лингвистическим стилем Д. Трампа явно и достаточно прямолинейно помогает ему обозначить свое присутствие в дискурсе как авторитетной политической персоны, равно как и способствует достижению особого прагматического эффекта. Можно заключить, что подобный ход оказался действенным для устранения негативной разницы в представлении людей между не имевшим политического опыта бизнесменом и компетентной, опытной политической фигурой Х. Клинтон, как основным соперником в избирательной гонке.

Хотя является очевидным тот факт, что нельзя утверждать, что использование перечисленных методов другими политиками окажутся столь же уместными и эффективными, проанализированные примеры из материалов дебатов 2016 г. в США позволяют нам сделать вывод, что использование местоимения первого лица «я» в политическом дискурсе является сильным и обоснованным средством саморепрезентации и формирования политической идентичности как кандидата, преисполненного решимости выполнить все обещания.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 63 с.
2. Дрига С. С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации (на материале ток-шоу): дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. 136 с.
3. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. 1996. № 1. С. 71—74.
4. Марюхин А. П. Активные семантические процессы в коммуникации общения: не прямое говорение // Критика и семиотика. 2008. № 12. С. 117—125.
5. Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Материалы международной конференции. 2008.
6. Самарцев В. Ю. «Выстрел в ногу»: президентские теледебаты как отражение локальных проблем в современном медиaprостранстве США // Русский язык в глобальном и локальном измерениях: сб. ст. междунар. науч. конф. Сургут: Сургут. гос. пед. ун-т, 2018. С. 304—310.
7. Смирнова В. В. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 23 с.
8. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95—113.
9. Bondi M. Emphatics in academic discourse Integrating corpus and discourse tools // Corpora and discourse: The challenges of different settings. 2008.
10. Clayman S., Heritage J. The news interview: Journalists and public figures on the air. Cambridge University Press, 2002.
11. Fraser B. Hedging in political discourse // OKULSKA, U., CAP, P., Perspectives in Politics and Discourse, Capitolo. 2010.
12. Hyland K. Metadiscourse: Exploring writing in interaction. London: Continuum. 2005.

13. Hyland K. Metadiscourse: Mapping interactions in academic writing // *Nordic Journal of English Studies*. 2010. № 2. P. 125—143.
14. Jalilifar A., Alavi-Nia M. We are surprised; wasn't Iran disgraced there? A functional analysis of hedges and boosters in televised Iranian and American presidential debates // *Discourse & Communication*. 2012. No. 2. P. 135—161.
15. Jespersen O. *Language; its nature, development and origin*. H. Holt, 1922.
16. Karnyushina V., Makhin A. Lexical and Grammatical Means of Distancing Strategy Performed in American Political Discourse // *Journal of Language and Education*. 2017. № 1.
17. Malone M. *Worlds of talk: The presentation of self in everyday conversation*. John Wiley & Sons, 2013.
18. Nikčević-Batričević A., Krivokapić M. (ed.). *Mapping the World of Anglo-American Studies at the Turn of the Century*. Cambridge Scholars Publishing, 2015.
19. Reyes A. I. Trump: The cult of personality, anti-intellectualism and the Post-Truth era // *Journal of Language and Politics*. 2020.
20. Transcript of the US Debates // Politico Website. URL: <https://www.politico.com> (дата обращения 08.05.2020).

Сведения об авторе

Самарцев Вадим Юрьевич — преподаватель кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета, Сургут, Россия. vdmsmrcv@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 139—145.*

THE APPLICATION OF THE DEICTIC FIRST-PERSON PRONOUN “I” BY D. J. TRUMP AS A MEAN OF BUILDING THE POLITICAL IDENTITY (BASED ON THE MATERIAL OF THE 2016 US ELECTION DEBATES)

V. Yu. Samartsev

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia. vdmsmrcv@gmail.com

This article considers “political discourse” as the linguistically grounded analysis of political language. While there are many other areas that focus on political discourse, for example, “rhetoric”, there is limited concern with language theory and the role of language in the construction of the «political» itself. The chapter sets the role of “representation” as the core concern of much political discourse, which may be considered “descriptively”, in terms of the linguistic tools employed in representing the world in specific ways, or “critically”, where the aim is to display such representation as a form of power manipulation. The main purpose of this article is to analyze the effectiveness of the deictic first-person pronoun “I” as a mean of self-representation, constructing political identity and rhetorical interaction with the electorate. The mentioned tool is not recognized as absolutely conventional in the framework of debates, but was deliberately and, as the result shows, successfully, used to explicitly indicate the presence of a candidate for President of the United States Donald Trump through building his discourse during the 2016 debate.

Keywords: *pronoun “I”, political discourse, communicative strategies, self-representation.*

References

1. Baranov A. N., Kazakevich E. G. (1991) *Parlamentskie debaty: tradicii i novacii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow, Znaniye. 63 p. [in Russ.].
2. Driga S. S. (2007) *Social'nyj dejksis diskursa massovoj kommunikacii (na materiale tok-shou)* [Social dexis of mass communication discourse (on the talk show material). Thesis]. Tver, Tver State University. 136 p. [in Russ.].
3. Issers O. S. (1996) *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 1, pp. 71—74 [in Russ.].
4. Maryukhin A. P. (2008) *Kritika i semiotika*, no. 12, pp. 117—125 [in Russ.].

5. Paducheva E. V. (2008) Rezhim interpretacii kak kontekst, snimayushchij neodnoznachnost' [Interpretation mode as a context that removes ambiguity]. *Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Proceedings of the International Conference]. Moscow [in Russ.].
6. Samartsev V. Yu. (2018) *Russkij yazyk v global'nom i lokal'nom izmereniyah*, pp. 304—310 [in Russ.].
7. Smirnova V. V. Formirovanie diskursivnyh markerov problemnoj dostovernosti s iskhodnoj semantikoj zritel'nogo vospriyatiya [Formation of discursive markers of problematic reliability with initial semantics of visual perception. Abstract of thesis]. Voronezh, 2018. 23 p. [in Russ.].
8. Jacobson R. O. (1972) *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*, pp. 95—113 [in Russ.].
9. Bondi M. (2008) *Corpora and discourse: The challenges of different settings*, no. 31.
10. Clayman S., Heritage J. (2002) *Cambridge University Press*.
11. Fraser B. (2010) *OKULSKA, U., CAP, P., Perspectives in Politics and Discourse, Capitolo*.
12. Hyland K. (2005) *Metadiscourse: Exploring writing in interaction*. London, Continuum.
13. Hyland K. (2010) *Nordic Journal of English Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 125—143.
14. Jalilifar A., Alavi-Nia M. (2012) *Discourse & Communication*, vol. 6, no. 2, p. 135—161.
15. Jespersen O. (1922) *Language; its nature, development, and origin*. H. Holt.
16. Karnyushina V., Makhina A. (2017) *Journal of Language and Education*, vol. 3, no. 1.
17. Malone M. (2013) *Worlds of talk: The presentation of self in everyday conversation*. John Wiley & Sons.
18. Nikčević-Batričević A., Krivokapić M. (ed.). (2015) *Mapping the World of Anglo-American Studies at the Turn of the Century*. Cambridge Scholars Publ.
19. Reyes A. (2020) *Journal of Language and Politics*.
20. Transcript of the US Debates. Politico Website. Available at: <https://www.politico.com>, accessed 08.05.2020.